

4 27 октября 1988 г.
№ 247 [8714]

СГ

ТЕАТР—ЭТО ВСЕГДА ПОИСК

Неюбилейный разговор на 90-летию МХАТа

Владлен Семанович Давыдов принадлежит к третьему поколению Художественного театра. Он же директор музея МХАТа. И это не случайно, он прекрасно знает историю театра, много сил отдал промашке наследия «великих стариков». В театральном мире хорошо известно его изречение: *музей МХАТа—это не только прошлое театра, это его будущее. С этого Владлен Семанович и начал свой рассказ о выставке, которая на днях вернулась из Парижа, где театр был на застроях.*

ВЫСТАВКА посвящена 125-летию со дня рождения К. С. Станиславского. Она вызвала большой отклик у первых своих посетителей в Швейцарии. После парижки с творчеством великого реформатора сцены познакомиться в Италии, а затем в Америке. Причем в США намерено организовать целую культурную программу с участием советских артистов. Экспозиция «Мир Станиславского» решается по-новому—художник Валерий Лавенталь создал ее яркий, оригинальный макет.

Здесь будет много фотографий, костюмы, эскизы... Выставка рассказывает о поисках великого режиссера, о том, что вознесло в свое время МХАТ на недостижимую вершину Олимпа.

— Станиславский мечтал о театре на

новых началах, так с чего же начался Художественный театр!

— Сегодня наши театры только вступают в эксперимент, а Художественный жил им. Эксперимент—а творчество, а организация театрального дела, а эстетика, в этике. Во главу угла поставили духовное, нравственное воспитание зрителя. Они открыли Чехова. И это уже была эксперимент. Только что Чайковский, а здесь же не только с блестящим постановкой, но сделали своим знакомым. Новая драматургия питала молодой организм. Чехова, Горького, Толстого ставили с молодыми неизвестными актерами. Мясин, сыграв роль царя Федора, первую свою роль, на следующие утро проснулся знаменитым. В Америке его назвали артистом с Марса, настолько ошеломил он всех своим талантом. Его, как и Хмелева, Добронравова, Качалова и других, открыл Станиславский. Он открывал в актере личность, понимая, что без человека, несущего мысль, боль и радость своего времени, нет театра. Его не заменят шум, конструкция, световые эффекты.

Такой широкий интерес к истории театра. Важно знать, на чем спотыкнулись, а что недооценили. В этом смысле чужд интересам, по-вашему, судьба Художественного театра!

— Сегодня как открытие предпосылки экономической самостоятельности театра. А вот до революции актеры были пайщиками театра, хозяевами общего дела. Революция изменила систему, театр стал государственным. Вроде бы хорошо: по миру не дадут пойти, но с другой стороны—принесли и вред. Кто-то решил: как бы ни работал—свое получишь. И потом получилось так: кто платит, тот и заказывает музыку. Как-то забыли завет Станиславского о том, что играть современность—это отнюдь не красивый флаг размахивать, это значит заглянуть в душу народа. Ведь было время—концы 40-х, 50-е годы—когда МХАТ позволил себе поставить такую слабую пьесу, как «Зеленая улица» Суворова или «Чужая тень» Симоненко. Началась гонка за премиями. Ставили спектакль и заранее знали, кто получит орден, кто—звание. Был создан культ Художественного театра. И те люди, что олицетворяли его, не допускали даже мысли, что кто-то, кроме них, может играть на этой сцене.

— Значит, вашему поколению не очень повезло!

— Я бы сказал: очень не повезло. У нас не было вояды. Театр—это идея, осуществляемая одним человеком. Картины не пишут коллективно—от идеи ничего не останется. В пятидесятые годы театром правил художественный совет—маститые имена актеров, режиссеров. Но если Станиславский, и Немирович-Данченко при всех конфликтах дополняли друг друга, то здесь получалось не дополнение, а вычитание. Старшему поколению мы были не нужны. На мой взгляд, эта тенденция не преодолена и сегодня. Театр, по мысли Станиславского, должен обновляться каждые 15—20 лет. Идеи поколения, его эстетику и формы принесут в труппу только молодые.

— В последнее время МХАТ упрекают в том, что в 30-е годы он проводил политику «омлачевания». Как это понимать!

— Да в том-то и дело, что не театр в том повинен. Разве МХАТ закрыл театры Корша, Майерхольда, МХАТ-второй! Закрыли его те, кто испугался, что театры, рожденные МХАТом, были совершенно не похожими друг на друга. Суть Художественного театра—а разнообразие, контрастности. Посмотрите, ведь именно из МХАТа вышла первая студия. Какие имена! Вахтангов, Гваццотто, Бир-

ман. Вторая, третья студии. Хмелев, Андреевская, Яшин. Станиславский вдохнул жизнь в оперное искусство, Немирович-Данченко создал другой театр—музыкальную комедию. И это «омлачевание»? Алиса Коонен—актриса МХАТа—стала героиней камерного театра Таирова—антипода Станиславского в творчестве. А Майерхольд! Он ведь ученик Станиславского, но разве можно «омлачить» Майерхольда!

Убавь детище МХАТа, тем самым лишил театр его неповторимости. В итоге такой политики произошло действительно «омлачевание»—ни одного яркого театра.

— Несомненно на многолетних студиях театр всегда был целым ядром, сегодня произошел раскол, и многие склонны считать, что Художественный театр перестал существовать. Что вы об этом думаете!

— Скажу так: цыплат по осани считают. Да, положение сложное. Но это время такое. Накануне революции театр тоже оказался в тупике. Это был идеологический кризис. Во время социальных ломок искусства не расцветает, на традицию им не устоять, нужен крепкий фундамент. Революция открыла горизонт, подняла на новую высоту, появилась драматургия Булгакова, Иванова, пришло второе поколение труппы, но это случилось не сразу—только через 10 лет. В постановках классицизма искали идеи, созвучные событиям тех лет. В сложном положении наших театров я вижу аналогию с тем временем. Видимо, такова логика, и особой трагедии нет. Открытия в театре будут обязательно, нужно терпение.

Беседу вел Е. ТАРАСОВА.